

над количеством рабов, что объясняется слабым распространением в стране рабовладельческих отношений и экономической отсталостью этой области, находившейся на периферии древнего мира. Как и многие другие страны древнего Востока, Куш прошел тот же путь развития и был качественно точно таким же раннерабовладельческим обществом, как Египет или Шумер, хотя и значительно более отсталым.

Г. Л. Курбатов

РАБЫ И ПРОБЛЕМА РАБСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИБАНИЯ

Проблема рабства — одна из основных и далеко еще не разработанных в истории поздней Римской империи. Хотя в литературе последних лет ей уделялось немалое внимание и многие ее аспекты (особенно — правового, юридического положения рабов)¹ стали значительно яснее, есть еще кардинальные вопросы (о роли рабского труда в производстве, об эволюции реального социально-экономического положения рабов, о их значении в жизни общества, в классовой борьбе), которые далеки от окончательного решения². Недостаточно изучены и взгляды представителей различных социальных кругов Империи на рабство. Между тем выяснение эволюции этих взглядов, возможных различий в отношении к рабству существенно для изучения политической жизни общества в период разложения рабовладельческих отношений.

Среди наших источников для IV в. одно из первых мест принадлежит произведениям знаменитого антиохийского ритора Либания (314—339 гг.), 64 речи и более 1500 писем составляют его огромное литературное наследие³.

Отдельные преимущественно обобщающие характеристики Либания, наиболее яркие из приведенных им фактов прочно вошли в широкий научный оборот. Несколько более полно его данные о рабах были рассмотрены М. Я. Сюзюмовым, затем автором настоящей статьи и в последнее время венгерским исследователем Й. Ханом, автором интересной работы о рабском и свободном труде в позднеантичном городе⁴. Однако среди более чем сотни основанных на материалах Либания или посвященных ему работ до сих пор нет систематического и критического

¹ См., например, М. Я. Сюзюмов, О правовом положении рабов в Византии, УЗ СПИ, 1958, вып. II, стр. 165—193; И. П. Тарасова, К вопросу о правовом положении рабов в поздней Римской империи, УЗ ЛГУ, № 251 (1958), вып. 28, стр. 75—89 и др.

² См. З. В. Удальцова, А. П. Каждан, Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии, ВИ, 1958, № 10, стр. 80.

³ Цит. по изд.: *Libanii opera*, ed. R. Foerster, I—XII, Lipsiae, 1903—1923.

⁴ М. Я. Сюзюмов, Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточной Римской империи IV в., УЗ УГУ, вып. XI, 1952; Г. Л. Курбатов, Положение народных масс в Антиохии в IV в., ВВ, VIII, 1956; Г. Л. Курбатов, Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.), Л., 1962; I. Hahn, Freie Arbeit und Sklavenarbeit in der Spätantiken Stadt, «Ann. Univ. Sc. Budapest», Sectio historica, III, 1961, стр. 23—39.

обзора сообщаемых им сведений о рабстве. Последнее крупное посвященное Либанию исследование, принадлежащее перу известного французского ученого П. Пети⁵, лишний раз показывает, что проблема рабства в IV—V вв. весьма мало интересует буржуазную историографию.

Как это, может быть, ни парадоксально звучит, но произведения Либания исследователями истории рабства почти не использованы. Те несколько ярких и важных характеристик, которые кочуют из одной работы в другую и создают иллюзию изученности его данных, далеко не исчерпывают содержание богатейшего источника. Пожалуй, и не они представляют его основную ценность с точки зрения нашей темы, а бесчисленные мелкие, на первый взгляд не имеющие самостоятельной ценности упоминания о рабах и рабстве. Огромное значение наследия Либания, живо интересовавшегося и состоянием аграрных отношений, и положением земледельцев и землевладельцев, ремесленников и курялов, городов и курий, и взаимоотношениями между различными слоями городского населения, и политической борьбой, и политикой императорской власти, и положением интеллигенции, и развитием духовной жизни города, и вопросами образования, заключается в том, что со страниц его произведений встает, конечно, субъективная, но необычайно широкая картина жизни восточноримского общества. На фоне ее из множества порой брошенных мимоходом упоминаний о рабах (а нередко и из отсутствия таких упоминаний), вырисовываются и очертания общего состояния рабовладельческих отношений. Либаний, что, с нашей точки зрения, не менее интересно и ценно, знакомит нас и со взглядами на проблему рабства как собственными, так отчасти и представителей других слоев населения.

Настоящая статья и ставит своей задачей в какой-то мере восполнить указанный пробел, дать систематический обзор и оценку сведений Либания о рабстве и рассмотреть его взгляды на рабство.

При этом необходимо отметить, что если взгляды Либания во многом отражали воззрения на рабство близких ему куряльных кругов на всем эллинизированном востоке Империи, то конкретное значение большинства его свидетельств о рабах, за небольшими исключениями, может быть со всей определенностью отнесено только к Антиохии и ее округе, Северной Сирии, хотя, несомненно, они во многом отражали общее положение в восточных провинциях.

Прежде всего представляет интерес сама терминология Либания. Для обозначения рабов он обычно употребляет три термина: *ἀνδράποδον*, *δοῦλος* — *δοῦλη*, *οἰκέτης* — *οἰκέται*. Несколько реже он, говоря о служанке-рабыне, применяет термин *θεράπεινα*⁶. Обращает на себя внимание, что Либаний почти не пользуется для обозначения рабов весьма распространенным термином *παῖς* и производными от него. Из более чем сотни упоминаний о рабах он лишь в единичных случаях называет их *παῖδες* (см. XLII 8; I, 184 — оба раза речь идет о рабах — домашних слугах⁷). Случаен ли отказ очень уважительно относившегося к классической терминологии и не гнавшегося за литературной модой Либания от употребления этого чрезвычайно распространенного в еще недалеком прошлом термина? Можно предполагать, что не вполне. Судя по терминологии антиохийца VI в. Евагрия, в его время термин этот применялся уже преимущественно в значении «простолюдин», «простой человек». *Παῖδες Ἀντιο-*

⁵ P. Petit, *Libanius et la vie municipale a Antioche aux IV-e siècle après J.-C.*, P., 1955.

⁶ См., например, XLVII, 8: курялы «продают (*πωλοῦσι*)... рабынь-служанок (*τὰς θεραπαίνας*)». В одном случае *θεράποντες* — рабы-слуги (LVIII, 8).

⁷ См., например, I, 184: *παῖδ' οὖν δέ, ὃ μοι τὰ ἀπὸ τοῦ καμάρου λῶον...*

ἡρών — очень распространенное у Евагрия обозначение «народа Антиохии»⁸. Не связано ли отношение Либания к этому термину с наметившимся уже в словоупотреблении жителей Антиохии изменением его значения? В то же время Либаний (в отличие от Евагрия) еще не употребляет слово παῖς для обозначения свободных (речь, конечно, не идет об этом слове в прямом его смысле «дитя»). В таком случае можно, по-видимому, в связи с постепенной утратой этим термином прежнего значения и приобретением — хотя и постепенным — нового, в какой-то мере говорить об известном сужении по мере упадка рабства круга терминов, обозначавших рабов. Едва ли случайно и то, что именно этот термин начал ранее прочих утрачивать свой «рабский» смысл. Вероятно, его эволюция была в какой-то мере облегчена тем, что он всегда употреблялся и для обозначения свободных — «детей», «младших». Последнее значение, вероятно, постепенно становилось преобладающим в V — VI вв.

Что касается перечисленных выше трех основных терминов, то и в их употреблении можно проследить определенные тенденции. Слово ἀνδράποδον Либаний применяет в тех случаях, когда речь идет о рабе как собственности господина (VIII, 1; XVIII, 131; XLII, 32;), о покупке-продаже рабов (XVIII, 289; LXII, 64), процессах о рабах (LI, 6), о дарении рабов (XXX, 38; XXXIX, 13), о физическом рабстве, о рабе как рабочей силе⁹.

Термин δοῦλος Либаний употребляет в более широком, бытовом, фактическом, политическом смысле, говоря о рабстве, как состоянии, положении человека (XXXI, 24), о его рабской зависимости от другого¹⁰. Когда он говорит, что «свободный» может быть «рабом» или быть «как раб» (XVIII passim, XXV passim), он всегда употребляет этот термин.

Что касается термина οἰκέτης — οἰκέται, то он используется Либанием почти исключительно для обозначения домашних рабов (LIII, 6; LV, 11; LXII, 56; LXIV, 116)¹¹. Домашних слуг он всегда называет этим термином. Это — рабы-слуги, несущие господина (II, 22; XXIX, 5; LIX, 54; LVI, 32), слуги, носящие что-либо за своим господином (LVI, 31; LVIII, 19)¹², разного рода домашние прислужники (XXIX, 9; LIII, 6; ср. 484 — т. X, стр. 535 и др.), иногда — ремесленники в доме рабовладельца (XLII, 32). В то же время нельзя сказать, чтобы Либаний употреблял когда-либо термин οἰκέτης в значении «слуга» вообще, без различия — раб или свободный. Это — именно раб-слуга (τὸν οἰκέτην... δοῦλον καλεῖς — XXXI, 10). Когда Либаний противопоставляет «свободного» «рабу», он говорит «ἐλευθέρος» — «οἰκέτης» (LVI, 35), равно как «ἐλευθέρι» — «δοῦλοι» (XXII, 12; XXV, 1; XLII, 35; ср. 479 — т. X, стр. 531). В значении слуга вообще, возможно, раб, но скорее всего отпущенник, а также сво-

⁸ E v a g r i u s, Historia ecclesiastica, ed. Bidez — Parmentier, III, 10 (стр. 109,9); IV, 6 (стр. 156, 18); IV, 35 (стр. 185, 14) и др. Ср. G. D o w n e y, A History of Antioch in Syria from Seleucids to the Arab Conquest, Princeton, 1961, стр. 451.

⁹ См. Я. А. Л е н ц м а н, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 56 сл., 61—70: «Нам кажется, что ... ἀνδράποδον означает раба античного, являющегося в глазах рабовладельца только орудием производства, частью имущества, instrumentum vocale». Ср. ἀνδράποδα ἀγροικία ранневизантийского законодательства — М. В. Л е в ч е н к о, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V — VI вв., ВС, М. — Л., 1945, стр. 21.

¹⁰ Ср. Л е н ц м а н, ук. соч., стр. 57, 62.

¹¹ Там же, стр. 52—55.

¹² Рабов, сопровождающих господина, «рабов-проводящих», Либаний иногда называет ἀκόλουθοι. Это — не свободные «спутники», приспешники, кэпенты, а рабы. О их рабском статусе говорит, например, XLVII, 8: курiales «продают (πωλοῦσι) ... рабов-проводящих (ἀκόλουθοις)».

бодный слуга, Либаний употребляет термин *διάκονος* (I, 278; XLVI, 19)¹³, который, впрочем, встречается у него крайне редко.

Из рассмотренных нами основных терминов, которые используются для обозначения рабов, Либаний реже других употребляет *ἀνδράποδον*, чаще — *δοῦλος* и всего чаще — *οἰκέτης*, а также *θεράπων*, *θεράπωντες*. Если учесть смысловое содержание этих терминов, то соотношение их в произведениях Либания в какой-то мере говорит о том, что рабство, рабы как производящая, рабочая сила не играют большой роли в жизни общества этого времени. Основную массу рабов составляют рабы-слуги, домашние рабы. По-видимому, следует согласиться с известным русским византинистом А. П. Рудаковым, писавшим: «Рабы главным образом являлись принадлежностью богатых домов, их служебной челядью, — откуда и самый византийский термин *οἰκέτης*»¹⁴.

Наиболее, может быть, широко используется для суждения о роли рабства знаменитое начало XXV речи Либания «О рабстве»: «Эти два слова по всей земле на устах, раб и свободный: в домах, на рынках, в полях, на равнинах, на горах, даже на кораблях и в лодках»¹⁵.

Как справедливо отмечалось, одна эта фраза сразу вводит нас «в обстановку рабовладельческого мира»¹⁶, свидетельствует о большом числе рабов в обществе IV в. Рабы составляют постоянную и неотъемлемую часть «богатства» и «считается убылью не иметь в своем распоряжении столь же рабов, сколько раньше» (VIII, 10). «Богатым, — говорит Либаний, — считают и называют того, у кого много... рабов (*ἀνδράποδα*)» (VIII, 1). Он нередко упоминает о собственниках «многих рабов» (*πολλῶν οἰκέτων*, — например, XXXIX, 8).

Естественно, что первый вопрос, который встает при рассмотрении данных Либания, — это вопрос о производственном использовании труда рабов в сельском хозяйстве, ремесле.

Либаний, сам землевладелец средней руки, ярый защитник интересов куриалов, тяжело переживавший упадок городского, куриального, землевладения, недовольный быстрым ростом крупной частной, независимой от городов земельной собственности, в своих произведениях довольно подробно рисует жизнь антиохийской деревни IV в., жизнь имения.

Однако при том, что Либаний достаточно часто и подробно говорит о зависимых земледельцах, мы не найдем у него ни одного прямого упоминания о рабах-земледельцах. Едва ли приходится спорить с теми исследователями, которые утверждают, что рабский труд не находил широкого применения в сельском хозяйстве Сирии IV в.¹⁷ В одной из речей, причем эти сведения относятся не к IV, а к III в. (когда рабство имело несколько большее распространение), ко времени молодости деда Либания, — сообщается о покупке им имения с 11 рабами (XLVII, 28; *οἰκέτας δὲ εἶχεν ἑνδεκα*). Однако судя по тому, что среди перечисляемого имущества имения — коней, мулов и даже псов — не упомянут ни рабо-

¹³ В XLVI, 19, например, он говорит о *διάκονοι* — прислуге постоянного двора, гостиницы. Они, очевидно, свободные, а не рабы, как свидетельствует упоминание о том, что в случае нанесения им телесных повреждений или убийства их постояльцам приходится отвечать перед их родственниками: *καὶ πολλοὶ τῶν διακόνων... ἀπέθανον, καὶ δεῖ χρῆμασι πείσαντα τὰ τοῦς τοῦτων γονεῖς σесώσθαι*.

¹⁴ А. П. Рудаков, Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии, Пг., 1917, стр. 213.

¹⁵ XXV, 1: *Τὸ δὲ ὄνομα τε τοῦτο πολλὸν πανταχοῦ τῆς γῆς, ὁ δοῦλος καὶ ὁ ἐλεύθερος, ἔν τε οἰκίαις ἔν τε ἀγοραῖς ἔν τε ἀγροῖς ἔν τε πεδίοις ἔν τε ὄρεσιν, ἦδη δὲ καὶ ἐν ναυσὶ καὶ ἐν ἀκατίοις*.

¹⁶ См., например, Удалцова, Каждан, ук. соч., стр. 80.

¹⁷ W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955, стр. 124.

чий скот, ни крупный сельскохозяйственный инвентарь, можно предполагать, что в имении не было сколько-нибудь значительного собственного господского хозяйства, которое могло бы обрабатываться руками рабов. По той же причине трудно предположить, что часть этих рабов была посажена на землю и составляла основное земледельческое население имения. Скорее всего эти рабы использовались в домашнем хозяйстве имения, в господском доме, а землю имения обрабатывали колонны. Обращает на себя внимание и то, что и в других случаях, когда Либаний говорит о рабах в имении, он говорит о них преимущественно как о «слугах и служанках» (θεράποντες καὶ θεράπνησι — XLIII, 8).

Может быть, известный намек на более широкое использование рабского труда в сельском хозяйстве содержит речь Либания в защиту его друга Аристофана, одного из первых членов курии Коринфа (XIV). Здесь рассказано, как из-за притеснений, которые Аристофан терпел от влиятельных противников и его вынужденного длительного отсутствия «деревья порублены, земля осталась необработанной, рабы (ἀνδράποδα) — одни бежали, другие приучились к праздности, третьи — к разбою» (45). Однако это упоминание относится не к Антиохии и не к Северной Сирии, а к Греции. В таком случае оно подтверждает правильность выводов О. В. Кудрявцева о том, что в Греции, где рабский труд в свое время гораздо более полно, чем в эллинизированных областях Востока, вытеснил из производства труд свободных, в период разложения рабовладельческих отношений не было достаточно благоприятной почвы для развития колоната и «рабовладельческий способ производства гнил на корню»¹⁸. Видимо, с этим в какой-то мере можно связывать продолжавшийся на фоне известного экономического оживления других восточных провинций хозяйственный упадок Греции в IV в.

Что же касается антиохийской округи, то в качестве зависимых земледельцев, как показывают данные Либания (прежде всего XLVII речь — «О патронатах»), выступают исключительно колонны — γεωργοί, γηρόνοι. О нерабском статусе всех этих περί τῇ γῇ ποιοῦντες говорит, в частности, и упоминание оратора о том, что с теми, «кто обрабатывает землю для ее владельцев..., они обращаются так же, как с рабами (ἴσα καὶ οἰκέταις καὶ χερσὶναι)».

Однако из свидетельств Либания можно видеть, что рабы составляли постоянную часть населения имения. Так, упоминание о том, что жизнь землевладельцев проходила «в заботах об имениях, рабах и рабынях в них»¹⁹, нам кажется, говорит об определенной и, видимо, немалой их роли в жизни имения в IV в. Видимо, хотя рабский труд и не имел большого значения в сельском хозяйстве Северной Сирии IV в., у землевладельцев было довольно много рабов, которые едва ли выступали только в качестве простых домашних рабов-прислужников и не играли заметной роли в хозяйственной жизни имения. Надо думать, что мнение о «случайном» только использовании рабского труда в сельском хозяйстве Сирии IV в. (см. ESAR, IV, стр. 164) можно поставить под сомнение. Рабский труд не играл основной роли в сельскохозяйственном производстве, но определенное, пускай вспомогательное, значение он, безусловно, сохранял.

Заслуживают более пристального изучения и данные Либания о рабском труде в ремесле, городском производстве, в частности, упоми-

¹⁸ О. В. Кудрявцев, Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке н. э., М., 1954, стр. 346—352.

¹⁹ LVIII, 8: ...ἐν φροντίδι δὲ ἄγρων καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς [καὶ] θεράποντων τε καὶ θεράπωνων.

вание о рабской мастерской. Это — одно из немногих свидетельств о существовании таких мастерских в IV в.²⁰ и, как полагают некоторые исследователи, о больших, чем в сельском хозяйстве²¹, масштабах применения рабского труда в ремесленном производстве. Делама владельца этой мастерской Либаний посвятил целую речь (XLII).

Интересен вопрос о доходности мастерской, владелец которой, Талассий, мог с ее помощью не только «поддерживать свое существование, но и увеличивать свое имущество»²². Следовательно, в IV в., если не во всех, то во всяком случае в ряде производств, труд «опытных в своем деле рабов» (*οἰκῆται... ταῦτα ἐπιστάμενοι*) был экономически выгоден и оправдывал свое применение.

К сожалению, неясен вопрос о размерах мастерской, ибо, сравнивая ее собственника с Демосфеном (семье которого принадлежали две довольно крупные рабские мастерские: одна — 33, другая — 20 рабов), Либаний имел в виду не размеры заведения, а положение его владельца, как и Демосфен, оратора. Видимо, оно было невелико — Либаний даже не называет его мастерской, а говорит лишь об обученных своему делу рабах (*οἰκῆται δὲ ἤσαν αὐτῷ*).

Данные Либания в известной мере освещают и историю мастерской, изменение положения ее владельца. Талассий не купил ее, а унаследовал от отца и деда. Причем, ни сам он «никогда не делал мечей, не учился этому ремеслу и не владел им», ни его отец (XLII, 24). Либаний умалчивает в этой связи о деде Талассия, возможно, потому, что он-то и мог быть ремесленником, разбогатевшим достаточно, чтобы его сын и внук могли уже сами не заниматься ремеслом. Талассий не занимался даже делами своей мастерской. Таким образом, его, строго говоря, следует относить не к представителям торгово-ремесленных кругов, а к лицам, жившим на доходы от владения мастерскими. Характеристика Талассия как «сына свободных граждан» (XLII, 7), бесспорно, указывает на его принадлежность не к городской знати, а к плебейским кругам. В начале карьеры Талассия мастерская была единственным источником его доходов.

В этой связи интересен вопрос о распространенности существования рабских мастерских у лиц из *ordo plebeius*. И на этот вопрос, как придется отметить, данные Либания подсказывают скорее отрицательный, чем положительный ответ. Тому обстоятельству, что это упоминание о рабской мастерской у Либания единственное, можно было бы не придавать большого значения, если бы он не уделял в своих произведениях достаточно большого внимания положению различных слоев *ordo plebeius*, разных категорий торгово-ремесленного населения. Из его произведений совершенно определенно явствует, что даже ремесленники наиболее «богатых» профессий не имели рабских мастерских и в лучшем случае довольствовались рабом-помощником. Лишь говоря о пекарях, Либаний упоминает рабов, работавших на мельницах. По-видимому, из факта существования доходной рабской мастерской Талассия следует делать очень ограниченные выводы даже для такого крупнейшего торгово-ремесленного центра, как Антиохия.

Не случайно, может быть, и то, что эта единственная упомянутая у Либания рабская мастерская производила оружие, спрос на которое в сложной внутренней и внешней обстановке III—IV вв. был очень велик. Не

²⁰ Liban., XLII, 24 и 32; A. H. M. Jones, *Slavery in the Ancient World*, в кн.: «*Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies*», ed. by M. I. Finley, Cambr., 1960, стр. 13; Н а н, ук. соч., стр. 24 сл.

²¹ У д а л ь ц о в а, К а ж д а н, ук. соч., стр. 80.

²² Liban., XLII, 32:... *πρὸς τὴν ἐξουσίαν τοῖς ὀφεί...*

было ли ее существование и процветание связано с благоприятной конъюнктурой, которая могла в IV в. поддерживать выгодность использования рабского труда в ряде специфических и высокодоходных производств?

Заслуживают внимания и факты, связанные с изменением положения ее собственника, Талассия. Выходец из плебейских кругов, он стал учеником, а затем и помощником Либания по муниципальной школе Антиохии, довольно известным «философом» и оратором (XLII; LIV, 47). В эти годы он приобрел небольшое имение (XLII, 37), «клочок земли» (4). Поскольку Либаний постоянно жалуется на ничтожность доходов преподавателей его школы, трудно думать, чтобы эти доходы могли стать основным источником необходимых для этой покупки средств. Известно, что почти все риторы школы Либания жили в долгах. Обращая внимание на приумножение имущества Талассия за счет доходов от мастерской, Либаний, видимо, и имел в виду покупку имения.

Таким образом, Талассий, несмотря на доходность своей мастерской, вложил полученные от нее средства не в ее расширение, не в торговую-ремесленную деятельность, а в приобретение земельной собственности. Покупка имения автоматически делала его кандидатом в куриалы, каковым он и стал (XLII, 48). По-видимому, он и стремился к этому. В таком случае, пример Талассия показывает, что в IV в. представители имущих плебейских кругов, невзирая на тяготы декурсионата, были не прочь стать куриалами, видя в этом одну из ступенек восхождения по социальной лестнице. Талассий, по словам Либания, добросовестно отправлял различные литургии.

На куриальной карьере дело не остановилось. Либаний, пользуясь своими связями, пытался провести Талассия в константинопольский сенат во время очередного пополнения его состава. У Талассия было немного шансов попасть в сенаторы, но характерно, что одно из оснований для отвода его кандидатуры членами сената дала именно упомянутая мастерская (XLII, 24).

Сенаторы, выступавшие против Талассия, пытались рассматривать его как лицо, занимавшееся плебейским промыслом, недостойным кандидата в сенаторы. Это показывает, что среди богатых землевладельцев-сенаторов в IV в. владение доходными, работавшими на продажу мастерскими, извлечение доходов из «торгашеской» деятельности не было распространенным явлением и рассматривалось как в какой-то мере предосудительное и несовместимое с сенаторским достоинством. Характерно, что и Либаний, страстно выступавший в защиту Талассия, так и не смог привести ни одного современного ему примера сенатора — владельца доходной мастерской. Он вынужден был оперировать значительно менее убедительными ссылками на далекое прошлое, на то, что Демосфену владение подобной мастерской не помешало играть виднейшую роль в политической жизни Афинского государства, и ограничиться указанием на то, что среди сенаторов было немало выходцев из плебейских, торговую-ремесленных кругов. Не смог Либаний привести и ни одного примера куриала — владельца доходной мастерской. Талассий с его мастерской, очевидно, и среди них был исключением, а не правилом ²³.

²³ Данные Либания в какой-то мере (во всяком случае для IV в.) свидетельствуют против широко распространенного мнения о том, что восточноримская аристократия весьма активно стремилась извлекать доходы из торговую-ремесленной деятельности, обзаводилась собственными доходными мастерскими и энергично конкурировала с торговую-ремесленной верхушкой города. Во всяком случае, такого рода тенденции, которые подчеркивал в свое время А. П. Дьяконов, видимо, не были особенно характерны для IV в. и, если его утверждения справедливы, их следует более опреде-

Что касается рабов, которые могли быть у ремесленников, то Либаний о них вообще не упоминает. Скорее всего их и не было в сколько-нибудь заметном количестве. Описывая общее положение ремесленников Антиохии, оратор говорит, что они сами живут на грани нищеты, «хуже, чем у нас (рабовладельцев. — Г. К.) рабы (*ταχὺ πωρότερον ἥσιν τῶν παρ' ἡμῖν οἰκίστων*)» (XXV, 36—37). В подавляющем большинстве они работали либо сами, либо с помощью членов своей семьи или учеников²⁴. Рабский труд, по-видимому, применялся в ряде производств на подсобных, черновых работах. Так, Либаний (LIII, 19) упоминает о рабнях (*θεράπαινοι*), работавших на мельницах. О рабском статусе этих *θεράπαινοι*, видимо, говорит то, что их наряду с другими рабами не допускали на пиршества, устраивавшиеся после зрелищ (там же). Посылка рабов в наказание на работу на мельницу — обычное явление (XXV, 13).

Во всех остальных случаях рабы у Либания выступают как слуги, домашние рабы. Для него характерно и общее представление о занятии раба как о деятельности домашнего слуги: «К какой такой тяжелой работе принуждает господин раба? Для него рабство в том, что он будет прислуживать господину во время обеда, в бане, вымоет одежду, запряжет упряжку, и угостит остатками кушаний...» (XXV, 28)²⁵. Не случайно, надо думать, у Либания отсутствует интерес к вопросам производственного использования рабов, отношения их к производству, а доминирует интерес к деятельности рабов-слуг. Это, видимо, определялось тем, что роль рабского труда в сельском хозяйстве и городском производстве действительно была невелика.

Данные Либания позволяют составить известное представление и о рабовладельческой прослойке городского населения в IV в.

Что касается мелких рабовладельцев, то, как уже частично было видно из изложенного, их число в IV в. было уже не особенно велико. Не было рабов не только у большинства мелких земельных собственников города, ремесленников и торговцев, но нередко и у весьма заметных представителей городской интеллигенции. Так, рассказывая о положении преподавателей своей школы, четырех риторов, он сообщает, что «рабов у одного — три, у другого — два, а у иного и тех нет» (XXXI, 11).

Очень интересны сведения Либания о рабах курялов, прослойки ему наиболее близкой и лучше других известной. Мы узнаем, что в городском доме среднего муниципального землевладельца — куряла — в IV в. обычно было от 10 до 20 рабов²⁶. Рядовой курял Антиохии обычно жил в одноэтажном особняке, с пристройками, конюшней. Среди рабов среднего землевладельца Либаний перечисляет следующих: раб-секретарь господина (I, 177), его домашний слуга (I, 184; XVIII, 289; LIII, 6; XLVII, 8) один или несколько рабов-проводных (XLVII, 8; LIII, 19; LVIII, 19), слуги-носильщики, которые носили господина, когда он не пользовался конем, или госпожу (II, 22; XXIX, 5; LIV, 54), служанки при госпоже и дочерях (XI, 128; XIX 60, XLVII, 8); раб-слуга и раб-педагог при сыне (XVIII, 289; XXIII, 20; LIII, 6; LIV, 34; LVIII,

ленно отнести к V в. — см. А. П. Дьяконов, Византийские димы и факции (*τὰ μέρη*) в V—VII вв., ВС, М. — Л., 1945, стр. 191—196. Мы полагаем, что следует подчеркнуть различие между владением доходной мастерской и собственностью на помещение для мастерских, а иногда, возможно, и на часть их оборудования, сдававшиеся в наем ремесленникам, организаторам производства — явление весьма распространенное среди богатых землевладельцев-домовладельцев, в том числе и курялов.

²⁴ Курбатов, Ранневизантийский город, стр. 110 сл.

²⁵ Известный намек на то, что рабы — в основном слуги и не заняты в сельском хозяйстве или ремесле, можно увидеть и в XXV, 67.

²⁶ Ср. Petit, ук. соч., стр. 310₁₀.

8—11), нянька (XVII, 239; LVIII, 8—11), конюх, ключница, повар (XVI, 47). Домашних рабов — ремесленников у курпалов не было.

Значительно больше рабов было у крупных собственников Антиохии. По данным Иоанна Златоуста наиболее богатые из них имели до 1—2 тыс. рабов²⁷. Либаний не приводит конкретных цифр, но говорит о «множестве» принадлежавших им рабов (XXXIX, 8; LXII, 47), о «толпе слуг-проводящих» (LXII, 11). Многочисленные рабы крупного магната, видимо, тоже в подавляющем большинстве своем были разного рода челядью (XXXIX, 8).

В целом, как считают исследователи, рабы составляли около $\frac{1}{5}$ населения города²⁸. По-видимому, эта цифра близка к действительности. Несколько десятков крупнейших собственников имело по нескольку сот (до тысячи) рабов каждый — итого примерно 20—30 тыс. рабов. По 10—20 рабов у 600 антиохийских курпалов — до 10 тыс. рабов. У нескольких тысяч более мелких рабовладельцев, владевших одним — тремя рабами, было также около (или не менее) 10 тыс. Всего же — 50—60 тыс. рабов при 250—350-тысячном населении города.

Речи Либания показывают также, что в Антиохии IV в. очень интенсивно шел процесс разорения мелких и средних рабовладельцев, сокращения этих прослоек и концентрации большей части рабов у крупных городских собственников. Либаний сообщает, что в его время раб «часто попадает из более бедного в более богатый дом»²⁹. Он постоянно говорит о продаже полей, имений, домов, рабов, о массе лиц, вынужденных продавать свое имущество. «Все полно продавцов (*πάντα δὲ μεστὰ πρᾶτῆρων*)... Продаются и дом, и рабы (*ἀνδράποδα*)...» (XVIII, 289). Средние городские землевладельцы — курпалы в IV в. уже не столько покупают, сколько продают имения, дома, «слуганок, продают рабов-проводящих, сыновей своих слуг» (XLVII, 8; ср. XVIII, 289). Они не только продают рабов в связи с обеднением, за долги. Чтобы снискать расположение и поддержку наиболее влиятельных собственников, чиновно-военной верхушки, они нередко дарили им своих рабов (XXX, 38); дарили их и адвокатам в уплату за защиту их интересов в сложных процессах, которые приходилось вести разорявшимся, обремененным долгами курпалам (XXXIX, 13). Оратор рассказывает и о случаях, когда могущественные и влиятельные лица прямо вынуждали курпалов продавать свое имущество и рабов (LXII, 64). Наиболее активным претендентом на курпальные имущества, в том числе и рабов, у Либания прежде всего выступает чиновничество. Чиновники, по его словам, «общие враги всех, кто владел каким-либо имуществом, конем, рабом (*ἀνδράποδον*)» (XVIII, 131). Он говорит о тех, кто, используя свое могущество и влияние, поддержку представителей чиновного аппарата, услуги ловких адвокатов, выигрывал «неправые процессы» «о стадах и о рабах» (LI, 6). Среди многих крупных собственников, появившихся в IV в., среди тех, которые «составили себе большие состояния, — говорит Либаний, — найдешь немало ограбивших других, не равно обычным грабителям, которые грабят в немногом, а отнявших (*ἀφελομένους*) многих рабов (*πολλοὺς μὲν οἰκέτας*)» (VII, 9). Выбившиеся из низов чиновники и адвокаты, выигрывая сложные процессы курпалов, получали значительную часть сохранных с их помощью имуществ, а выигрывая «неправые» процессы богатых собственников, притязавших на курпальные имущества, также получали в уплату долю выигранных богатств. Либаний называет адвоката Гелиодора, который в короткое время бла-

²⁷ PG, 58, стб. 608: ἀνδράποδων χιλίων ἢ δις τοσούτων.

²⁸ Petit, ук. соч., стр. 310 сл.

²⁹ XXV, 71: πολλὰ γὰρ δὲ αὐτῷ τύχης νευσάσης ἀμείνωνος οἶκον ἔλαχε πλοῦσιον ἐκ πενестέρου.

годаря участию в крупных имущественных процессах стал богатым землевладельцем, собственником имений, стад и множества рабов (πλήθος ἀνδραπόδων) (LXII, 45—47). Как писал Либаний об этих новых богачах, «тот, для кого еще недавно было роскошью не быть голодным «ни с того, ни с сего сидит на благородном коне: важное лицо, брови подняты, множество рабов-проводящих (ἡκολούτων), большой дом, обширные имения, льстецы, пиры, золото» (LXII, 41, ср. 47).

Известное оживление купли-продажи рабов, о котором говорит Либаний (XXV, 74; VIII, 13), в свете этих данных, как нам представляется, может рассматриваться не столько как доказательство некоторого укрепления рабства в IV в., сколько как свидетельство усилившегося перемещения рабов из одних рук в другие, их концентрации у богатых рабовладельцев.

Не меньший интерес представляют и данные Либания о положении рабов. Мы видим, что реальное положение рабов не претерпело в IV в. сколько-нибудь существенных изменений. Они по-прежнему жестоко эксплуатировались рабовладельцами. Рабы работали и в праздники (IX, 41). Бичевание было обычным средством их «воспитания» (XLIX, 24). Рабов «можно бить, словно камни» (XXV, 4). Либаний описывает, как одни рабы по приказу господина бичуют других (XXIX, 22). Нередко господа сами распоряжались истязанием рабов (I, 194). Повседневным явлением в жизни Антиохии были побои и оскорбления, которые доставались рабам от свободных на улицах города (XXV, 4).

Обычным явлением, впрочем, было, видимо, и лечение больных рабов. «Врач является лечить то раба, то господина (ὅν ... μὲν ... οἰκίστην ὃν δὲ δεσπότην)» (XXV, 32). Забота о создании семьи раба также, по-видимому, рассматривалась как естественная обязанность господина (XXV, 67). В то же время обращает на себя внимание, что Либаний почти ничего не говорит об отпуске рабов на волю. По-видимому, в Антиохии IV в. освобождение рабов, большая часть которых использовалась в качестве домашних слуг, челяди, уже не носило широкого характера. Либаний говорит о нем лишь в связи с вступлением Юлиана в консульство (что обычно сопровождалось освобождением государством части принадлежавших ему и императорскому дому рабов), предлагая императору «дать свободу всем дельным и лучшим из рабов» (XII, 104).

Значительно чаще Либаний говорит о переходе в рабство свободных (по суду LVII, 28 — приговор об отдаче в рабство — ἐψηφίσθαι δουλεύειν), о продаже детей ³⁰.

Некоторые данные Либания позволяют предполагать, что положение рабов у мелких и средних рабовладельцев было тяжелее, чем у крупных собственников (см. XXV, 74), причем, видимо, не только потому, что они подвергались большей эксплуатации и иногда жили в худших условиях, чем рабы богачей. Либаний, например, очень много говорит о тех притеснениях и оскорблениях, которые терпели рабы мелких и средних землевладельцев от влиятельных и могущественных собственников, от их слуг и приспешников. Видимо, немаловажным фактором в жизни IV в. была возросшая реальная сила крупных собственников, от чьих насилиев мелкие рабовладельцы и куриялы не могли оградить своих рабов. Богатые кредиторы нередко избивали слуг своих должников (XLII, 8). Нередко крупные богачи вымещали свою неприязнь к менее сильным собственникам на их рабах (ἐπὶ τοῖς οἰκέταις ... — LV, 44). Не случайно Либаний, сетуя на трудности жизни

³⁰ XLVI, 23: οὗτος ὁ καιρὸς... πλείω τὴν δουλείαν καθίστησιν ἐκβάλλων ἐλευθερίας τοὺς ὑπὸ τῶν γονέων πολυμένους...

мелких и средних рабовладельцев в IV в., на их растущее бессилие перед лицом крупных собственников и бесправие перед государством, говорит, что и на их рабов «распространилась до некоторой степени судьба господ» (XXII, 12).

Видимо, все эти обстоятельства вынуждали часть рабов мелких и средних рабовладельцев, изверившись в возможностях своих господ, бессильных защитить их от притеснений и насилий других, «отстранив господина», самим искать покровительства у более влиятельных лиц, которым «власть над ними не принадлежит»³¹, расплачиваясь за такое покровительство разного рода услугами, трудом (μερίζων δὲ τὰ τοῦ σώματος)» (XLVII, 21). Либаний осуждал подобную практику, видя в ней нарушение, ограничение прав полной собственности господина на раба, который в таком случае «уже не весь принадлежал бы господину, но в немалой части тому, кто помог ему...»³². Вероятно, такое покровительство на деле становилось одним из реальных путей постепенного отчуждения раба. Либаний говорит, что такой раб, пользуясь покровительством более влиятельного лица, отказывается подчиняться своему господину, который «из-за помощи ему (рабу. — Г. К.) другого встречает у раба небрежное отношение к себе» (там же), и постепенно переходит под власть крупного собственника. В силу таких отношений, устанавливавшихся между влиятельным собственником и рабом мелкого или среднего рабовладельца, рабы последних, желавшие избавиться от власти господ, иногда отнимались у них силой, прямо захватывались крупными собственниками. Чужие слуги «нередко могут даже отнять раба у его хозяина (ἀποστέρειν τοῦ δούλου πολλὰκις τὸν δεσπότην)» (там же). Большая группа доверенных рабов, которой располагал влиятельный собственник, была в городе важным инструментом его власти, обращенным не только против собственников рабов, но и против массы свободных. Так, один из антиохийских богачей, Кандид, возглавлявший контроль за торговлей хлебом, опираясь на своих рабов (οἱ δὲ ἦσαν τὰ οἰκέται τοῦ Κανδίδου), вершил по своему произволу расправу над хлебопеками, вымогал у них взятки и т. д. (XXIX, 9).

Данные Либания свидетельствуют и о достаточно острых противоречиях между рабами и рабовладельцами. Проявление неуважения к господам, уклонение от работы были нередки. «Леность» Либаний считает распространенным «недугом» рабов (III, 4). Он пишет, что наряду с праздным плебсом театры наполняют рабы, которые не желают исполнять свои обязанности (XXVI, 8: τῶν δὲ δούλων οἱ δουλεύειν οὐκ ἀξιούντες). Либаний с осуждением говорит о нежелании рабов защищать жизнь своих господ, например, упоминая об убийстве рабовладельца, рабы (οἰκέται) которого не вступились за него, а спрятались (XLV, 25). О проявлениях активного недовольства рабов говорит тот факт, что в антиохийской тюрьме постоянно содержалось немало рабов (XLV, 14). Среди рабов было много клейменых, меченых (XXV, 21), т. е. совершивших какие-либо преступления против рабовладельцев, общества; Либаний упоминает о бичеваниях и телесных наказаниях, которыми государство карало наиболее злых рабов (XXVIII, 20: τὰ κακοῦργότατα τῶν ἀνδραπόδων).

Широко распространено было и бегство рабов. Либаний не без сожаления говорит, что «для раба возможен побег, и много уголков суши, много моря, горы и рощи в его распоряжении» (XXV, 29; ср. V, 12). Некоторые данные Либания свидетельствуют о известной солидарности, суще-

³¹ XLVII, 21: καὶ παραστάντα ἱκετεύειν τὸν οὐ κύριον ἀφέντα τὸν δεσπότην.

³² Там же: οὐδὲ γὰρ ἅπας ἔτ' ἂν εἶη τοῦ δεσπότητος, ἀλλ' οὐκ ἂν μικρὸν μέρος τοῦ βασιτοῦχότος...

ствовавшей как между рабами, так и между рабами и свободными бедняками. Он отмечает, что, получив приказ о бичевании своих собратьев, рабы, назначенные для исполнения экзекуции, стараются смягчить суровость приказа (XXIX, 22). Рабы, бежавшие из Антиохии, находили сочувствие и поддержку у окрестных крестьян. Они скрывались в горах у пастухов и становились свободными³³. Такое отношение к рабам среди массы колонов и свободной бедноты в немалой степени облегчало им бегство от господ. Бежали рабы часто — обычным зрелищем на улицах Антиохии были целые группы пойманных и возвращаемых в кандалах своим господам беглых рабов (PG, 48, стб. 353, 563). Немалое участие, вероятно, принимали беглые рабы и в движении разбойников, огромное количество которых действовало в округе Антиохии (XIV, 45). Объединенные в большие хорошо вооруженные отряды, они, по словам Либания, «не щадили ни земли, ни моря» (XXV, 40, см. также XXVII, 7; XLVIII, 35; ер. 1385 и др.).

Либаний постоянно жалуется на непрочность власти господина над рабом. Очевидно, мелкие и средние рабовладельцы, чьи интересы он выражал, в IV в. действительно чувствовали себя намного менее устойчиво как рабовладельцы, чем крупные. «Оттого, что состав слуг так невелик, они наглы и дерзки», — писал Либаний. Потому-то «одни из господ часто не могут обеспечить их подчинение себе, а другие — не в той же мере, в какой требует их достоинство»³⁴.

Из произведений Либания достаточно четко вырисовываются и его взгляды на рабство. Либаний принадлежал к наиболее консервативной, реакционной части рабовладельческой муниципальной аристократии. Деление общества на рабовладельцев и рабов даже в мелочах обыденной жизни проходит через все мировоззрение Либания. Если он сидел в одиночестве и вокруг него никого не было, он добавляет: «ни свободного, ни раба» (I, 237).

Правда, Либаний признает раба человеком (*ἄνθρωπος* — IX 11). Однако мы нигде не найдем у него сочувствия положению рабов. Напротив, он постоянно сетует на слабость власти господ над рабами (V, 12). В то же время он с известным недовольством перечисляет «бремя» обязанностей господина по отношению к рабу, рассматривая их как «рабство». «Ничто... не оправдание для хозяина по отношению к рабу», — жалуется он (XXV, 67). Из-за этих обязанностей «тот, кто кажется хозяином, на самом деле — раб»³⁵. Не всегда доволен Либаний и законодательными ограничениями власти рабовладельцев над рабами (XXV, 35), он — поборник строгого обращения с рабами и противник всяких послаблений (XVI, 36), в которых видит прямой подрыв власти и авторитета рабовладельцев. Поэтому он резко осуждал тех, кто более мягко обращался со своими рабами (XXIII, 6). Считая необходимым строго поддерживать непреходимую общественную грань между свободным и рабом, Либаний порицал тех рабовладельцев, которые, с одной стороны, чрезмерно мягко обращались со своими рабами, тем самым не поддерживая в них постоянно сознание своего рабского положения, страха перед господином, а с другой, — позволяли своим рабам неуважительно обращаться со свободными, чем, по его мнению, подрывали авторитет рабовладельцев в глазах рабов, «развращали» своих рабов, приучали их к неуважению к свободным. Либаний с возмущением говорил о правителе Икарнии: «... Рабов он щадит и чрезвычайно

³³ XXV, 29: καὶ ἔλυσεν αὐτὸς τὴν δουλείαν, ἀπὸ δὲ τῶν δεσποτῶν οὓς ἀπηραδμυσάμην.

³⁴ XXXI, 11: παραινούντες καὶ ὑβρίζοντες εἰς τοὺς δεσπότης διὰ τὸ μετὰ πολλῶν δουλεύειν, ὥς οἱ μὲν οὐκ ἐδουλώσαντο πολλαῖς, οἱ δὲ ἀναξίως αὐτῶν.

³⁵ XXV, 67: ταχέα γὰρ αὐτὸν ἔχει τὸν δοκούντα μὲν δεσπότην, ὄντα δὲ δοῦλον. Ср. его замечание в III хрне (т. VIII, 85, 8).

гордится мягкостью своего обращения с ними»³⁶. Таким образом, Либаний решительно выступал против тех тенденций общественного развития, которые в известной степени способствовали стиранию граней, отделявших рабов от основной массы свободного или зависимого населения. Либаний вслед за императором Юлианом осуждает христианство за то, что своим учением о равенстве всех перед богом оно создавало известную близость, общность духовно-религиозной жизни раба и господина. И если Юлиан с насмешкой и презрением писал, что антиохийские куриалы вместо философских и литературных занятий в кругу своих коллег (разговоров о «Платоне и Пифагоре») предпочитают вести долгие беседы о Христе со своими слугами и поварами (Misorogon, 358), то Либаний прямо говорил о том, что, отходя от язычества, они «идут на поводу у тех», для кого им бы «следовало быть законодателями»³⁷, у их ключниц и поваров. Таким образом, и неприятие христианства было у Либания в значительной мере связано с тем, что эта религия идейно оформляла распад рабовладельческих отношений, что он относился к христианству как к религии рабов.

Большой интерес представляет и проблема «рабства свободных», которой Либаний уделяет немалое место в своих произведениях. В основном ей посвящена и его большая речь «О рабстве», относящаяся к последней четверти IV в. Эта речь не носит столь конкретного, практически-политического характера, как большинство рассмотренных выше. Она в большей мере произведение морально-этического плана. Но, безусловно, ее содержание и основные направления навеяны общей обстановкой, общими настроениями Либания. Поэтому она находит множество параллелей в его сугубо деловых конкретно-политических речах. Хотя Либаний и говорит в ней достаточно много о рабстве рабов, центр тяжести ее лежит в рассмотрении «рабства» свободных. Либания несколько не беспокоит вопрос о положении рабов. Его волнует то, что свободные стали «рабами». «Я уже давно,— говорит он в самом начале речи (XXV, 2),— внимательно присматриваясь к условиям жизни, которые всех одинаково приводят в некое рабство, не раз за долгие годы, оплакивая других и себя, хотел бы, чтобы одно из слов («раб» и «свободный». — Г. К.) было уничтожено, так как соответствующего ему понятия не существует». Он прямо говорит о задаче своей речи (XXV, 30): «Настоящая речь стремится доказать не то, что рабы свободны, а то, что свободные — рабы...». Вся речь проникнута тоской по ушедшей в прошлое «свободе» массы мелких и средних рабовладельцев, свободе, которая постепенно превращалась в фикцию. Либаний сетует не только на то, что свободные из свободных становятся «рабами», сетования на рабство судьбе — лейтмотив всей речи. «Чем же больше твой раб — раб, чем ты — судьбы!» — восклицает Либаний (XXV, 13: τί μᾶλλον οὖν ὁ δοῦλος σὸς ἢ σὺ τῆς Τύχης). Оратор весьма подробно останавливается на том, в чем, по его мнению, проявлялось это рабство свободных. Прежде всего — в их положении в государстве, обществе, в том, что со свободными все более обращаются «как с рабами». Особенно сильно возмущается Либаний изменением системы наказаний, тем, что свободных наказывают так же, как рабов, — публично (XXVIII, 20 и др.) Рассказывая об одном куриале, подвергшемся публичному телесному наказанию, Либаний говорит: «Истязания, которым он подвергался, уравнили его с собственными рабами (εἰς ἐκέρτην δοῦλον οἷς ἐπαθῆ τῶν αὐτοῦ δοῦλων γέγεννημένον), так как он не может теперь ни слуг бранить... плети и униже-

³⁶ XXVIII, 6: τῶν γ' οὖν οἰκιστῶν ὁρῶμεν αὐτὸν φειδόμενον καὶ τῇ γε πρὸς αὐτοὺς ἡμερότητι μάλιστα φιλοτιμοῦμενοι...

³⁷ XVI, 47: ἀλλ' οἷς εἶδει νομοθετεῖν, τοῦτο ἐβόλεια γέγενεθε.

ние... закрыли для него возможность властного слова» (LVII, 39; ср. XXVIII, 14).

Другое проявление «рабства» — это полная покорность чиновному аппарату, власти, сильным и влиятельным людям. Все «рабствуют» перед ними, и ремесленники — рабы (LII, 16) и «проситель — раб» (LVII, 39) и курналы: «Многообразное рабство (πολυεἰδῆ δουλείαν) — вот, скажу я, то название, которое они применяют к своей деятельности» (XXV, 43). Курналы пресмыкаются перед правителями и чиновниками, они «рады, если им велит сделать что-нибудь из обязанностей рабов» (XLVIII, 38). Перед чиновниками и правителями у них «позы и речи скорее рабов, нежели свободных» (XVIII, 190). Курналы терпят «притеснения более тяжелые, чем те, которым подвергаются рабы» (LVI, 13). Они «из свободных стали рабами (τὸ δούλος ἄντ' ἐλευθέρων γεγενῆσθαι)» (LVI, 6). Всеобщее уравнивание в бесправии, характерное для поздней Римской империи, частично затронувшее мелких и средних рабовладельцев, было ненавистно Либанию именно тем, что оно в некоторых, хотя и второстепенных, аспектах общественной жизни сближало положение рабов и свободных. Либанию невыносима сама мысль о том, что свободный может хоть в чем-то уподобиться рабу³⁸. Какая разница, спрашивает он, между рабом и господином, если раб рабствует господину, а господин — раб государства, которое обладает над ним еще большей властью, чем господин над рабом?

Свободные ремесленники (οἱ χειροτέχναι) попадают в зависимость не только к богатым и влиятельным собственникам, но и «в подчинение к их слугам» (ὑποπεπτόχαι δὲ καὶ τοῖς τούτων οἰκέταις — LII, 16). Курналы тоже «раболепствуют» не только перед правителями и чиновниками, но и перед «слугами правителей» (LXII, 41).

Либаний особенно возмущен тем, как влиятельные и богатые люди позволяют своим рабам обращаться со свободными: этим рабам «в самом деле дана воля бичевать, заключать в тюрьму, толкать на землю, рвать хитон» (LII, 16). Он с негодованием пишет о влиянии, каким пользуются на общественные дела, на решение дел рабы частных лиц, чиновников. «И те почетные звания, которые продаются, оцениваются такими людьми, и рабами и господами» (καὶ τὰ πωλούμενα τῶν τιμῶν ὀριστὰς ἔχει τοὺς τοιούτους, καὶ δούλους καὶ δεσπότας — LII, 16).

Как зло отмечал Либаний, рабы чиновников не только вели себя как господа, но нередко «получали и пояс, вместе с владельцами» (XVIII, 133—134); делами государства управляли рабы (XVIII, 152). «Так жить, — заключает Либаний, — свобода небольшая» (XXV, 44). С особой неприязнью говорит Либаний о влиянии рабов или выходцев из рабов в государственном аппарате, при дворе.

Либаний порицает императора Констанция за то, что тот давал слишком большую власть своим рабам-прислужникам, которые издевались над свободными (τῶν γὰρ οἰκετῶν οὐδεὶς ἄν, εἰς οὐχ ὕβρις — XVIII, 133, ср. 149), широко привлекал в государственный аппарат и выдвигал на высшие должности лиц низкого происхождения, бывших рабов и вольноотпущенников (XVIII, 132), укрепляя власть двора и чиновнического аппарата и ослабляя роль курий и сената, усиливал «рабство свободных» (XVIII, 147, 190). Единственный из императоров, кого Либаний и в этом отношении хвалит за его политику, был Юлиан, restitutor libertatis, который, по словам Либания, не стремился к тому, чтобы его подданные «чувствовали себя рабами» (XVIII, 147), пытался поднять «достоинство

³⁸ Либаний с предубеждением, как к неполноценным людям, относится к тем свободным, которые были когда-то рабами или вышли из рабов. Их пребывание в рабстве Либаний рассматривает как позорящее их (ὁ δὲ καὶ δούλος ἦν — XXVIII, 40—42).

свободного человека» и в то же время укрепить в общественной жизни непроходимую стену, отделявшую свободных от рабов ³⁹.

Юлиан и в этой области пытался повернуть вспять. В целом, говоря об отношении Либания к проблеме рабства, нельзя не признать, что он стоял на наиболее консервативных позициях, выступая против всех новых веяний своего времени. Поддержка им политики Юлиана определялась и отношением этого императора к проблеме рабства. Внимательно изучавший политику и взгляды Юлиана на рабство, Н. Н. Розенталь писал в до сих пор еще не опубликованной докторской диссертации, посвященной социальным основам политики этого императора, что в отличие от своих более гибких предшественников и преемников он стоял на наиболее консервативных позициях «античного отношения к рабам» ⁴⁰. На тех же позициях, видимо, стоял и Либаний.

Закапчивая обзор данных Либания о рабстве, можно, по-видимому, в заключение сказать, что оно в IV в. не играло большой роли ни в сельском хозяйстве Северной Сирии, ни в городском производстве такого крупного торгово-ремесленного центра, как Антиохия, а одной из важнейших черт его эволюции в этом столетии было дальнейшее снижение производственного значения рабов и концентрация все большей их части в сфере обслуживания, у небольшой кучки богатых рабовладельцев.

³⁹ См. Курбатов, Ранневизантийский город, стр. 239—246.

⁴⁰ Н. Н. Розенталь, Социальные основы языческой реакции императора Юлиана, 1945, докт. дисс., стр. 333 сл.